18+

Валерий Булатов

Читуна, Дусьен, Дикий, Гав

Валерий Булатов

Читуна, Дусьен, Дикий, Гав

«Издательские решения»

Булатов В.

Читуна, Дусьен, Дикий, Гав / В. Булатов — «Издательские решения»,

Они живут рядом — и видят нас насквозь. Чуют беду, знают больше, чем мы думаем, и спасают, даже когда мы их гоним. Читуна, Дусьен, Дикий, Гав — кошка, такса, крысёнок и ворона. Это шестая книга Валерия Булатова. В ней — память, любовь и благодарность тем, кто был рядом. И тем, кто продолжает жить в этих историях. Тридцать один рассказ и стихи: смешные и горькие, страшные и светлые. О тех, кто любит нас беззаветно и уходит раньше, чем мы успеваем это понять. Читайте детям. И себе. Особенно себе.

© Булатов В.
© Издательские решения

Содержание

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ 6
ЧИТУНА — ХРАНИТЕЛЬНИЦА ДОМА 6
ЧИТУНА 6
ПРЫЖОК 7
ЕЁ УЛИКА 9
КРУТОЙ ПОВОРОТ 12
КОММЕНТ КОТА 14
СОАВТОР 14
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ 16
СОБАКИ — ВЕРНЫЕ И РАЗНЫЕ 16
ДУСЬЕН И ЕЁ НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ 16
В ТРЁХ СОСНАХ 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Читуна, Дусьен, Дикий, Гав

Валерий Булатов

Редактор Александр Михайлюк

© Валерий Булатов, 2026

ISBN 978-5-0071-6664-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ЧИТУНА — ХРАНИТЕЛЬНИЦА ДОМА

ЧИТУНА

Луна висела над синими горами — круглая, тёплая, как домашняя лепёшка. Шалва вёл «Волгу» медленно, подпевая дочери, он не любил зря рисковать. Рядом дочь Кетеван напевала «Сулико». На заднем сиденье внук Варлам и внучка Таня тоже подпевали деду и маме, но видно было, что оба уже засыпали. Между ними, в переноске, Читуна — трёхцветная красавица, кошка—крысоловка — мирно посапывала.

Они ехали и пели. Сначала негромко, потом всё веселее. Варлам затягивал про птичку, Таня подхватывала, Кетеван прихлопывала ладонью по колену. Так и старик Шалва в такт песне постукивал пальцами по баранке. Всё было хорошо: тёплый ветерок обдувал лица поющих и не давал Шалве задремать за рулём. Луна полная светила, машина надёжно так урчала, и горы стояли в тишине, словно прислушиваясь к словам песни, как старые добрые друзья.

Кошка в переноске стала шевелиться и сначала встревоженно заурчала, а потом внезапно дико заорала… да заорала так, что у Кетеван сердце враз упало. Варлам захлопнул клапан и решил не выпускать её — боялся. Кошка билась о сетку, царапала пластик, выдирала заклёпки. Варлам пытался удержать клапан. Кетеван, испуганная криком кошки, обернулась, потянулась к переноске — и в тот же миг кошка оскалилась, зашипела и впилась зубами ей в палец.

Кетеван отдёрнула руку — окровавленный палец саднил. А разъярённая кошка в следующую секунду уже сидела на голове у ошарашенного Шалвы. Шалва едва сдержался, но не закричал. Он ударил по тормозам и вывернул руль влево — «Волга» ткнулась бампером в скалу и замерла. Справа была синяя темнота, там зияла бездонная пропасть.

Тишина настала неожиданно и словно оглушила всех. Только мотор чихнул и тоже затих, обдавая салон «Волжанки» теплом и запахом нагретого под капотом нутра. Кетеван зажала пульсирующий жаром и болью палец.

Вдруг — сначала шорох, а потом сразу, впереди, в двадцати метрах, с грохотом обрушилась скала. Валуны, земля, деревья — всё летело вниз, туда, где через минуту могли бы быть и они. Грохот падающих камней стоял ещё долго. Потом неожиданно всё стихло.

Кошка сидела на приборной панели, глядя прямо перед собой.

Шалва пытался запустить двигатель, но руки предательски тряслись.

— Поехали, — сказал он. — Надо убираться отсюда.

И они поехали.

Кошку в переноску больше не сажали. Всю дорогу до дома она переходила из рук в руки — тёплая, живая, удивительно ласковая. Она давала себя тискать, гладить, прижимать к себе, чего раньше не позволяла никому, кроме хозяйки.

Сначала на руки её взяла Кетеван с прокусанным пальцем. Гладила осторожно, будто кошка была сделана из лунного света. А кошка вдруг высвободилась из объятий и стала зализывать прокушенный палец. И через несколько минут боль уменьшилась, перестала дёргать, и Кетеван, успокоившись, отдала Чити детям.

Потом Варлам — виноватый и счастливый — прижимал её к груди и шептал что-то неслышное. После этого Таня, которая ещё час назад боялась её, целовала кошку в макушку. А под конец даже Шалва, не выпуская одной рукой баранку, другой провёл по кошачьей спине и сказал:

— Кисуня наша… Читуна.

Кошка терпела всё. Иногда приоткрывала глаз, щурилась на луну и снова зажмуривалась. Она знала своё дело. Теперь её дело было — дать себя любить.

Уцелевшие от неминуемой гибели, они пели теперь так, что горы вздрагивали. Шалва баритоном, Кетеван колоратурой в подголосок, дети — кто в лес, кто по дрова, но так слаженно и громко, что другая птица позавидовала бы. Пели про Сулико, про Тбилисо, про то, как хорошо жить на свете, когда луна светит, кошка мурлычет и все живы.

Сзади, там, где только что рухнула скала, иногда ещё грохотало и пылило. А впереди, за перевалом, уже виднелись огни их родного села.

Кто-то из детей спросил:

— А что мы скажем бабушке?

Шалва, не оборачиваясь, усмехнулся:

— Скажем, что кошка нас всех спасла. И споём ещё раз, все вместе.

— А что мы скажем в школе?

— А так и скажем, что пришлось вернуться к бабуле из-за завала, и что каникулы у нас поэтому продлились…

В деревенском доме кошка запрыгнула Кетеван на колени, осторожно, не торопясь, снова принялась зализывать ранку, словно проверяя, всё ли в порядке. Кетеван не противилась.

— Кисуня моя… — прошептала она. — Спасибо тебе, родная.

Кошка мурлыкала. Боль к утру прошла окончательно.

В честь спасения семьи был устроен праздничный, торжественный обед, на котором почётное место занимала всеми любимая Читуна.

Варлам с тех пор никогда не закрывал переноску. Таня перестала бояться кошек навсегда. А Шалва каждое утро гладил кошку и говорил одно слово:

— Гмадлобт! (Спасибо!)

Читуна не отвечала. Она просто сидела на коленях и смотрела в окно, на горы, которые интересовали её, но не манили. Потому что горы, если честно, её не ждали

ПРЫЖОК

Это приключилось недалеко от побережья Чёрного моря, в горах южного склона Большого Кавказского хребта. Осень того года выдалась исключительно тёплой и удивительно красочной. Десятки оттенков таёжной хвойной зелени окаймлялись густым багрянцем листвы роскошных клёнов и ярким золотом красавцев бальзамических тополей. Извилистая горная дорога с обеих сторон была обрамлена то серебристо—бархатными тополями, то можжевеловыми или самшитовыми кустарниками. Погода в этот день стояла исключительно тёплая и безветренная. Да и сам день был солнечный, приветливый и не предвещал ничего необычного, и тем более неожиданного. Радиоприёмник старенькой, но довольно крепкой «Волги» передавал концерт произведений Эдварда Грига. В салоне, кроме прекрасной музыки маэстро, изредка слышались одобряющие «мррр» Читуны. С улицы через опущенные стёкла «ГАЗ—21» доносился убаюкивающий шелест новых шин. Все сидящие в уютной «Волжи», как ласково называли свою неутомимую труженицу её постоянные пассажиры, любовались осенними пейзажами гостеприимной Абхазии.

Увидев дорожный знак «опасный поворот», Шалва сбросил газ и переключился на вторую. На повороте солнце стало светить водителю и Кетеван в глаза. Шалва опустил солнцезащитные козырьки. И вдруг прямо под колёса «Волги» выскочило нечто клубящееся в пыли. Шалва резко нажал на педаль тормоза. «Волгу» занесло, и заднее правое колесо соскользнуло к обрыву. Машина остановилась и тут же обдалась горячей дорожной пылью. Раздался оглушительный звериный рёв, «Волга» содрогнулась от мощного толчка

Все оглянулись и в заднее стекло увидели огромную медведицу, которая навалилась на багажник машины. «Закройте окна!» — сказали одновременно Кетеван и Шалва. Дети сразу стали поднимать стёкла. Шалва и Кетеван тоже подняли стёкла своих дверц. В это время к дверце водителя подбежал медвежонок и поднялся на задние лапы. Он задрал голову и стал махать левой лапой, пытаясь дотянуться до верха дверцы водителя. Лапа его соскользнула и ударила по зеркалу заднего вида, отчего зеркало легло на крыло машины. В это время внимание присутствующих было приковано к медвежонку, и никто не заметил, как к нему подошла его огромная мамаша. Она была такой большой, что казалось, свободно может лечь брюхом на крышу «Волги». От её медвежьих прикосновений содрогался весь автомобиль. Голова и передние лапы медведицы были выше крыши машины. Никто не мог видеть ни лап, ни морды зверя.

Тут Шалва вдруг приподнялся и прильнул к лобовому стеклу. «Читуна! — вскрикнул он, — Читуна!» В опрокинутом зеркале заднего вида, которое теперь лежало на крыле автомобиля, Шалва увидел свою любимую кошечку. Читуна сидела на крыше «Волги» и спокойно смотрела на громадную башку медведицы. С минуту оба животных молча и спокойно разглядывали друг друга. Шалва с замиранием сердца наблюдал эту сцену.

В салоне стояла необычайная тишина ожидания. И вдруг снова раздался оглушительно пугающий рёв медведицы. Шалве хорошо было видно здоровенную разинутую пасть медведицы, огромные жёлтые клыки и её тёмно—алое нутро. Он боялся, что медведица может ударить кошечку, которая была в несколько раз меньше головы опасного зверя. Медведица подняла левую лапу над багажником автомобиля, угрожая Читуне ударом. Читуна попятилась, напряглась и присела, изготовившись для прыжка. Лапа зверюги с огромными, около восьми сантиметров в длину, когтями была страшным оружием даже для подобного ей зверя. А что говорить о маленьком симпатичном зверьке, опасном разве что для мелких грызунов.

Шалва в зеркале заднего вида видел Читуну, голову медведицы и её зависшую в воздухе и готовую для нанесения смертельного удара большущую лапу. Зверю достаточно было зацепить одним когтём маленькое пушистое существо, чтобы распороть ей живот. Медвежонок, побегав около мамашки, решил поиграть и с ней. С разбега он запрыгнул на широкий зад медведицы и полез по её спине вверх. Медведица повернулась, чтобы отогнать малыша. В это мгновение Читуна, как мощная пружина, одним прыжком оказалась на голове хищника. Шалва прекрасно видел происходящее, т.к. всё это было на самом краю крыши «Волги» у её лобового стекла. Он был восхищён мощным прыжком своей любимицы. От неожиданности медведица отпрянула от машины и попыталась поймать Читуну. Но Читуна была уже недосягаема. Пробежав по спине медведицы и перепрыгнув через медвежонка, Читуна спрыгнула на землю. Медвежонок, скатившись кубарем, встал на четвереньки и стал подпрыгивать, приглашая Читуну поиграть.

Но вместо игры Читуна запрыгнула ему на холку. Медвежонок от неожиданности испугался и заорал, снова встав на задние лапы. Читуна спрыгнула и отскочила на дорогу в сторону леса. Медвежонок, смешно подпрыгивая, поскакал вслед за кошечкой. Наблюдавшая эту игру медведица, будто очнувшись, в два прыжка оказалась возле играющих малышей.

Кошечка отбежала ещё на несколько метров и очутилась возле большой кривой сосны на обочине дороги. С разбегу Читуна запрыгнула на сосну, поднялась к ближайшей толстой ветке и пробежала по ней к стоящему рядом багровому клёну. Следом за Читуной на эту сосну полез и медвежонок. Движения малыша были неуверенными и довольно медленными. Пока он долез до толстой ветки, Читуна уже была на земле и перебежала дорогу перед автомобилем. Медведица, к тому времени подошедшая к сосне, по которой карабкался её малыш, встала на задние лапы и оперлась о дерево. Она то поглядывала на малыша, прикидывая, что дальше будет делать её отпрыск, то на тихо стоящий автомобиль.

Вся компания пассажиров и водитель, забыв о только что миновавшей их опасности, с интересом наблюдали за происходящим. Они дружно аплодировали Читуньке, когда она вернулась к машине — её находчивости, смелости и решимости, с которыми она отвела угрозу. Наконец, придя в себя, Шалва запустил двигатель и, открыв дверцу, позвал Читуну. Читуна была уже у двери машины и ждала, когда её впустят внутрь. Через минуту их надёжная, крепкая «Волжа» уже набирала скорость. Отошедшие от стресса старый Шалва, его любимая дочь Кетеван, внучка Танечка и маленький Варлам по очереди гладили и даже целовали Читуну. Утомившуюся от проявления чувств и восторга! маленькую зверушку посадили на заднее сиденье и, напевая песенку «Сольвейг» про себя, думали: «Ай да Читунька, ай да Читунька!..»

ЕЁ УЛИКА

— Хибла, тебе телеграмма из России, — сказал Вальдемар.
— Умер дедушка Сандро.
— Спасибо, дорогой.
— Лететь нужно утром.
— Да, завтра полечу.
— Хочешь, я с тобой полечу?
— Как хочешь. Только в понедельник мне нужно быть здесь.
— Четыре дня нам вполне хватит. Полечу.
— Хибла, а этот Сандро, кажется, родственник Шалвы, да?
— Да, Шалва ему внучатый племянник. — А почему ты спросил о Шалве?
— Да так, кажется, слышал это имя… А сколько же лет этому Сандро?
— Он не то с третьего, не то с четвёртого года. Сейчас ему было бы 109 лет.
— Да, славно пожил старикашка.
— Старикашка? Этот старикашка в 93 года мешок картошки сам клал на плечи и бросал в кузов трактора. Сама видела.
— Сандро вроде воевал в России?
— Да, и он воевал, и его отец, и дед — они герои были.
— Вальдемар, а от кого телеграмма?
— От какой—то Кетеван.
— Это дочь Шалвы.

В аэропорту Хиблу и Вальдемара встретили Шалва и Кетеван. Остановились они у дальних родственников Хиблы. Их дом стоял в небольшом селе, у реки, недалеко от райцентра. В другом конце этого села жил Шалва со своим небольшим семейством. Когда Хибла и Вальдемар выходили из «Волги», почтальон вручил Кетеван телеграмму. В городе в реанимации лежит её лучшая подруга. И Кетеван уговорила Шалву отвезти её в воскресенье в город. Ехать им предстояло поздно вечером в субботу.

Проводив в субботу дедушку Сандро в последний путь в Абжуйской Абхазии, все родственники собрались за длиннющим столом перед его домом. Родственники дедушки Сандро живо интересовались жизнью за границей. Они буквально завалили Вальдемара и Хиблу вопросами о том, чем жизнь за рубежом отличается от жизни у них в Абхазии. Мужчин интересовали вопросы о красоте женщин и где больше красавиц. Вальдемар, подсев ближе к Шалве, расспрашивал его о героизме его отцов и дедов. Интересовался их подвигами, наградами и местами сражений. Кетеван следила за тем, чтобы Шалва не выпил, забыв о поездке, и поглядывала на часы.

Около шести часов вечера Кетеван и Шалва, извинившись перед гостями и родственниками покойного, сели в машину и уехали домой. Хибла сказала Вальдемару, что и им пора готовиться к отъезду, что завтра им нужно быть в городе, чтобы успеть в аэропорт. Вальдемар вдруг заявил, что он не сможет улететь вместе с ней. Хибла отнеслась к его заявлению совершенно спокойно. Она решила, что отмена его поездки связана с личными мотивами, и не стала расспрашивать его ни о чём. Посадив Хиблу на автобус в город, Вальдемар взял такси и приехал в дом старого Сандро. Было уже около полуночи, когда он под покровом ночи отправился к дому Шалвы.

Приехав домой, Шалва стал будить детей и помогать им собираться в дорогу. А Кетеван стала собирать вещи и укладывать их в машину.

— Мама, а где Читуна? — спросила Танечка.

— Дома была, — сказала Кетеван.

— Её нету нигде. — Поищи хорошенько.

— Может, я искать не умею? Или металлоискатель взять?

— Не дерзи, доченька, мы спешим.

— Так её действительно нигде нет, — подтвердил Варлам.

— Читуня, кисонька, иди ко мне. Киса, киса, киса… Дети, найдите кошку и посадите её в машину. Это ваше задание. Нам с дедушкой забот хватает.

— Папа, Читуна пропала, — сказала Кетеван.

— Как это наша малышка пропала? Читуня, Читуленька, моя хорошая, иди ко мне, кися! Дети, найдите киску.

— Мы всё обыскали — её нет в доме! Она бы прибежала.

— И правда, папа, она никогда не пряталась.

— Кете, нам пора ехать. Где наш зверёк? Через десять минут мы едем — с кошкой или без неё!

Прошло двенадцать минут. Все сидели в машине, кроме Читуны.

Без особого труда Вальдемару поддался простой навесной замок на входной двери дома Ке теван и Шалвы. Включив фонарик на смартфоне, Вальдемар подошёл к стене и аккуратно снял старую, в огромной позолоченной раме, икону. Обернул её в прихваченную с собой простыню и стал шарить фонариком по стенам дома. Вдруг луч фонарика осветил ковёр с холодным оружием. Тут и сабли, и клинки, и даже морской офицерский кортик. Он нашёл старинной работы кинжал с клинком булатной стали и чеканной серебряной рукоятью, с серебряными ножнами. Его он сунул за пояс под куртку хозяина дома, где они с Хиблой остановились на ночлег. Откинув крышку шкатулки из резного самшита, он увидел потрясшую его воображение коллекцию старинных и современных орденов и медалей.

Не тратя времени на разглядывание коллекции, он грубо, как дилетант, стал горстями складывать их в карманы засаленной куртки. Оглядев ещё раз дом и не найдя ничего приме-

чательного, он направился к выходу. Сделав несколько шагов, он неожиданно услышал угрожающее шипение, от которого у него похолодело в груди. Он включил фонарь, и в свете его увидел обыкновенную кошку.

— Тьфу ты! — сплюнул он и пошёл к двери. Но, сделав шаг, он снова услышал шипение, ещё более устрашающее. — Блин, это ты мне, мерзкое животное? — сказал он и попытался пнуть кошку. Подмышкой его правой руки была икона, в левой — смартфон с фонариком.

Читуна, увернувшись от пинка, заскочила вору на спину и вонзила ему в голову когти. Вальдемар взвыл и попытался ударить Читуну смартфоном, но всякий раз удар приходился по его голове. Рассвирепев, Вальдемар, сунув в темноте дома телефон в карман, стал ловить преградившую выход кошку. Читуна прыгнула ему на грудь и стала драть куртку, стараясь поцарапать лицо. Вальдемар, защищаясь руками, пытался поймать Читуну. Левая рука его и грудь уже были в крови, а Читуна не давала сделать ему и шага. Наконец он наклонился и поставил икону на пол. Кошка прыгнула ему на плечи и стала царапать ему голову и шею. Тут Вальдемару удалось схватить Читуну за ногу, и в этот момент окна дома осветились фарами выезжающей из-за поворота машины. Держа Читуну за заднюю лапу, Вальдемар ударил ею о дверной проём и изо всех сил швырнул её в кусты самшита. Схватив икону, он выскочил из дома, заскочил за угол и побежал к деревьям, чтобы не попасть в свет фар. Через несколько минут, когда он был далеко от дома, он услышал голоса людей.

Выйдя из машины, Кетеван первой подошла к дому и вскрикнула.

— Что случилось? — спросил Шалва.

— Папа, иди скорей сюда.

Шалва подошёл к дому и… тут они услышали жалобный стон. Включив фары у машины, они с Кетеван достали из кустов израненную Читуну. Бедная кошечка не могла держать голову. Её голова болталась так, как будто у неё была сломана шея. Кетеван зарыдала, а Шалва осторожно взял Читуну, зашёл домой и положил её на свою кровать. Когда домой зашли дети, тогда только они увидели, что нет иконы, что открыта шкатулка, и Шалва обнаружил отсутствие его любимого клинка. Оглядев дом, все поняли, что здесь произошло и какую роль в защите дома играла их любимая Читуня!

Возвращаясь домой из—за размытой селем дороги, все мечтали хорошенько выспаться. Всю ночь, а она оставалась очень короткой, Шалва и Кетеван выхаживали бедную Читуну. Рано утром Шалва и Кетеван, пока дети спали, повезли Читуну к ветеринару домой. Сотрясение мозга, вывих коленного сустава задней правой ноги. И, возможно, повреждены внутренние органы — покажет рентген. Нужно везти в город, но только после лечения. Пришедшему на место преступления участковому Танечка показала значок КМС. Такой значок видели только на куртке одного жителя села. Самого жителя давно нет. В его доме нашли куртку, на которой, когда—то красовался значок кандидата в мастера спорта. Куртка вся была изодрана, возможно, когтями кошки, и испачкана, очевидно, кровью преступника. К такому заключению пришёл участковый уполномоченный. Тут же выяснили, что в этом доме несколько часов назад находился некий Вальдемар. Вальдемар приехал на похороны дедушки Сандро с его знакомой, Хиблой, родственницей Сандро. Хибла уехала вчера вечером, а Вальдемар часа три назад на такси.

Участковый позвонил в аэропорт и выяснил ближайшие рейсы на N-ск. С первого же рейса на N-ск был снят пассажир, по описанию похожий на Вальдемара. После допроса он показал, где находятся похищенные им ценности из дома Шалвы. Гражданин был арестован и передан в руки правоохранительных органов. А похищенное возвращено владельцу.

Не прошло и трёх недель, как в доме Шалвы отметили радостное событие: возвращение домой выздоровшей любимицы всей семьи. Это радостный для семьи день стали считать праздничным, как второй день рождения Читуленьки.

КРУТОЙ ПОВОРОТ

Осень в тот год стояла как никогда нежная и щедрая. Сентябрь выдался тёплым, сухим, и листва на клёнах горела багрянцем и золотом. В воздухе пахло спелыми яблоками, дымком от сгоревшей сухой травы и сброженным виноградным соком. Где—то внизу, в селе, уже давили виноград.

Шалва проснулся рано, ещё до восхода солнца. Вышел на веранду, постоял у перил, посмотрел на горы. Синие, спокойные, они стояли в утренней дымке, а где—то там, за перевалом, лежал райцентр. За ним — Лыхны, где через два дня должен был зашуметь «Лыхнашта», праздник урожая, ярмарка, веселье.

Он глубоко вдохнул утренний воздух — холодный, чистый, с запахом хвои и прелой листвы. Улыбнулся, хлопнул в ладоши и вошёл в дом.

«Волга» стояла под навесом — серая, слегка запылившаяся, но по—прежнему красивая. В те годы всё, что делалось в стране, делалось на совесть. Шалва открыл капот, проверил масло, воду, ремень. Потом обошёл машину кругом, попинал колёса, заглянул в багажник. Всё было в порядке. Он открыл кран на шланге и смыл с кузова пыль. Машина засияла. «Волжа» его не подводила никогда — ни в утро с обвалом, ни в день с медведями, ни в ночь, когда вор забрался в дом. Она была членом семьи, как Читуна, и заслуживала того же уважения. Читуна уже сидела на крыле машины. Она давно чуяла, что собираются в дорогу, — и не отходила ни на шаг. Она уже знала: если Шалва возится с машиной, значит, скоро поедем. А ездить она любила. Особенно теперь, когда её больше не запирали в переноску.

— Ну что, кисуня, — сказал Шалва, погладив её по спине. — Поедем на праздник?

Читуна мурлыкнула и потёрлась о его руку.

— Поедем, — сказал Шалва. — Все поедем.

Все уселись в машину — Шалва за руль, Кетеван рядом, дети сзади, Читуна на коленях у Тани. Бабушка стояла на пороге и смотрела им вслед. Она не махала рукой, а просто стояла и смотрела.

«Волга» тронулась грациозно, плавно, как и подобает солидной машине. Выкатилась со двора, повернула на дорогу — к перевалу.

Машина шла легко, будто радуясь тёплому утру. Мотор урчал ровно, шины шелестели по сухому и горячему асфальту. В открытые окна влетал тёплый, — пахнущий хвоей и сухой листвой ветерок.

Варлам сидел сзади с Читуной на коленях. Таня — рядом, то и дело гладила кошку по спине и напевала что—то своё, детское. Рядом с отцом, впереди, была Кетеван. Она смотрела на дорогу и изредка поправляла зеркало заднего вида.

— Пап, а далеко ещё? — спросил Варлам.

— Недалеко. Через перевал — и всё.

— А там будут лошади? Ты говорил, там по праздникам бывает конный футбол.

— Будут и лошади, и футбол, и вино и мёд, и сыр… И ещё сто человек родни, которых мы сто лет не видели.

— А Читуну пустят?

— Читуну? — Шалва обернулся и улыбнулся.

— Да её там на руках будут носить. Она у нас теперь — знаменитость. После медведей, после вора… В Лыхны все знают, чья это кошка.

Читуна, услышав своё имя, приоткрыла один глаз. Потом встала, потянулась и перебралась с колен Варлама на колени Тани. Потом — к Кетеван. Потом — на приборную панель. Села, обвила хвостом лапы и уставилась вперёд.

— Смотри, пап, — сказала Таня. — Она как штурман.

— Штурман, — согласился Шалва. — Мой второй пилот.

Через час показался райцентр. Ещё через полчаса — Лыхны.

Ярмарка шумела на большой поляне. Ряды столов ломились от снеди: копчёный сыр, мёд в глиняных горшках, вино в тёмных и пузатых бутылях, лаваши, пахлава, чурчхела, орехи, специи — всё, чем богата абхазская земля. Играла музыка, ржали кони, где-то на краю поляны уже начинался конный футбол, и толпа охала, ахала и смеялась.

Семья Шалвы выгрузила свои бутыли, поставила их на общий стол, и через пять минут вокруг уже собрались родственники и знакомые. Друзья обнимались, целовались, вспоминали старые истории.

Читуна сидела на плече у Варлама, как маленький пушистый страж. Её гладили, ей давали кусочки её любимого сулгуни и мяса, её фотографировали на телефоны. Она переносила всё с достоинством — она умела терпеть, когда это было нужно.

К вечеру бутыли опустели, а корзины и багажник «Волги» наполнились подарками: мёдом, сырами, вином для бабушки. Обновы для детей, платок для Кетеван, какая—то особая, дедовская, колбаса для Шалвы. Игрушки, сладости, ещё что—то, завёрнутое в бумагу, — что именно, Варлам и Таня уже не помнили.

— Пора, — сказал Шалва, глядя на солнце. — до темноты надо проскочить перевал.

Они со всеми попрощались, сели в машину и поехали домой.

Обратной дорогой машину Шалва вёл осторожно. Он знал эту дорогу наизусть, каждый поворот, каждый камень. Знал, что за перевалом будет крутой вираж, где скала почти нависает над обрывом, и что именно там быстро ехать нельзя.

Впереди, метрах в двухстах, мелькнули красные огни. Гружёный грузовик, ГАЗ—53 — угадал Шалва. Он шёл по встречной за трактором с прицепом, с сеном.

— Куда их несёт на ночь глядя? — подумал Шалва.

А перед ГАЗиком, полз трактор, он тащился километров двадцать в час, и объехать его на этом участке было невозможно. Справа скала, слева пропасть.

Читуна вдруг поднялась. Шерсть на её спине встала дыбом. Она не закричала, она просто встала и посмотрела вперёд, на красные огни, и в её глазах было что—то такое, от чего у Шалвы похолодело в затылке.

— Кисуня? — тихо сказал он.

Читуна спрыгнула с панели и перебралась на колени к Кетеван. Та открыла глаза, ничего не понимая.

— Что случилось?

— Не знаю, — сказал Шалва. — Она явно что—то чувствует.

Читуна поднялась с колен Кетеван и прыгнула прямо на руль, на руки Шалве. Потом легла всем телом ему на руки. Потом — на руль снова, и снова на руки.

— Читуна, — Шалва попытался её снять. — Кисуня, что ты делаешь? Мне не видно дорогу.

Но Читуна не уходила, она поднималась на его руках и передними лапами обнимала его голову, мешая смотреть. Шалва сбросил скорость почти до нуля. Он не мог вести автомобиль — кошка закрывала ему обзор. И Шалва вынужден был остановить «Волжу». И вдруг прямо перед ним, ГАЗик, сделав крутой поворот, заваливается на левый бок и опрокидывается! Бочки, тяжелые, более двух с половиной центнеров весом каждая, с грохотом покатились в пропасть едва не разбив «Волгу». Они пролетали в метре от капота, бились друг о друга и чудом отлетали в сторону, не задевая кузова «Волжи». ГАЗик по инерции развернуло поперёк дороги, и он остановился в нескольких метрах от автомобиля Шалвы. Весь этот кошмар произошел перед глазами Шалвы, Кетеван и их перепуганных детей. Стоило Шалве остановить автомобиль на два—три метра дальше или попытаться проехать, последствия могли быть трагическими. Одна такая бочка с её инерцией, могла сбить «Волгу» в пропасть.

На трясущихся ногах Шалва вышел из машины и подошёл к ГАЗику. Открыл дверцу и заглянул внутрь. В это время к нему подошёл тракторист. Вдвоём они вытащили наружу водителя ГАЗика. Им оказался молодой солдатик. Они уложили его на землю, и тракторист вызвал скорую. Потом они с Шалвой зацепили тросом ГАЗик и тракторист оттащил машину на обочину ближе к скале. Теперь Шалва мог объехать ГАЗик по обочине и выехать на трассу. Тракторист и Шалва обменялись номерами телефонов, и тракторист сказал, что ехать ему недалеко и он дождётся скорую. И заверил Шалву, что тот может не волноваться и ехать с семьёй домой. Тракторист всё удивлялся как это Шалве удалось вовремя остановиться и не стать жертвой автомобильной катастрофы. Что если бы Шалва попытался проехать, то скорее всего мог оказаться в пропасти.

Уже сев за руль, Шалва минут двадцать не мог тронуться с места… У него не руки дрожали, нет, он дрожал весь, всем телом. Когда Шалва с семьёй подьезжал к дому, ему позвонил тракторист и сообщил, что солдатика увезла скорая, что с ним ничего страшного. Очевидно сотрясение и перелом левой ключицы. Бабушке пришлось рассказать о происшествии. Иначе объяснить столь долгое отсутствие было нельзя, хотя расстраивать бабулю никому не хотелось. Но больше всего никому не хотелось ей лгать. В конце вечернего застолья и в честь праздника, выпили по стакану свежего виноградного сока и разошлись по своим уютным спаленкам.

КОММЕНТ КОТА

Мой кот любил лизать стихи —
То томик Тютчева, то Блока…

Однажды вижу: — у кота,
от удовольствия глаза закрылись
а к макушке прижались серенькие ушки.
Взглянул на томик — А. С. Пушкин…

Решил я тоже сей момент
использовать кота коммент —
не зря ж я творчеству учился!
А кот, на стих мой — помочился.

СОАВТОР

Бывают всё же строки и в моих стихах,

Те, под которыми не грех и подписаться…
И первым это сделать норовит мой кот —
Чтоб так со мной в соавторстве остаться.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

СОБАКИ — ВЕРНЫЕ И РАЗНЫЕ

ДУСЬЕН И ЕЁ НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Дусьен — наглая, она же Дульсинея — барбосская, она же Дусья — кусачая, она же Дуська — дура, она же такса «необыкновенная», с красивой, шоколадной масти мордочкой и боками, и ровной спиной, масти тёмного шоколада! И пусть многоуважаемого читателя не вводит в заблуждение её обыкновенная внешность. Необыкновенная она уже потому, что ей минуло 18, что она по—прежнему мила и забавна, агрессивна с чужаками, приветлива и кротка только с хозяйкой. И несмотря на то, что она слепа на один глаз и полуслепа на другой, что прихрамывает на переднюю правую лапу и слегка волочит (только при ходьбе) заднюю левую, она довольно шустра и находчива.

Она могла за один присест сожрать 300 граммов халвы, оставленной на столе, используя для этого стоящий рядом со столом стул. А если вы в её присутствии по забывчивости опустите руку с колен вниз, она тотчас же напомнит вам о правилах этикета, прихватив вашу опущенную руку своими стершимися от долгого использования и пожелтевшими от времени, но всё ещё местами острыми зубами. Когда вы, спохватившись, поднимите ещё не прокушенную руку, Дуська с достоинством, присущим «правой руке» хозяйки дома, обойдёт вас сзади и присядет в ожидании другой руки…

Из всех команд известных благородному семейству лохматых питомцев человека, Дусьен не помнила ни одной, но (в такие минуты скорее просто Дуська) выполняла только одну, нетрадиционную и известную только ей — «пошла вон!» Тогда, скривив морду (левая половинка верхней губы её слегка приподнималась, обнажая остатки желтых зубов) и всем своим видом демонстрируя глубокое разочарование в хозяйке и всё-таки некоторую покорность, она, опустив голову, но скосив в сторону обидчика глаз, с ленцой покидала кухню. Первым, моим совместным путешествием с Дуськой, была поездка к фермеру в Подмосковье. Прожили мы в хозяйстве фермера всего три дня, но уже во второй день пребывания на ферме, Дуська умудрилась потеряться. Первые сутки, я как мог наблюдал за ней и часто привязывал, когда не было возможности лицезреть ее, так как кругом был лес.

И все—таки, ближе к вечеру я отпустил её прогуляться, взяв с неё слово не убегать далеко от домика. Минут через 20 я позвал Дуську, но ответа не последовало… я почувствовал, что произошло худшее. В сумерках я ещё бегал и искал Дуську, но с наступлением темноты поиски были тщетны, и я в расстроенных чувствах отправился спать, решив продолжить их рано утром. Но и утром, надежды, что Дуська найдется не прибавлялось… тогда я отважился на крайнюю меру — я решил прибегнуть к использованию помощи «потусторонних» сил, я дал им обещание, что если Дуська найдётся, то в качестве благодарности за помощь, принесу жертву: откажусь от еды и воды на трое суток! Моя жертва была оправдана, и вознаграждением за своё будущее терпение было неожиданное «возвращение» беглянки. К обеду этого же дня, когда я как мне казалось бессмысленно, брёл вдоль дороги ведущей к дальнему садоводству, возле участка фермера, около меня остановилась «ГАЗель» и молодой таджик, открыв дверцу, с вопросом не наша ли это собака, показывает мне Дуську.

Из его рассказа я узнал, что за ночь Дуська, преодолев расстояние в 8 км по лесу до трассы, ведущей к Москве и 26 км по самой трассе, «голосовала» на обочине в надежде добраться до Москвы автостопом… На мой вопрос, как им пришло в голову остановиться, подобрать одинокую собачонку практически в лесу и привезти её в обратном направлении, а главное, не отвезти её в садоводство, а остановиться около меня, вразумительного ответа я не дождался. Таджики только пожимали плечами. Да и откуда им было знать о моей жертве! Но однажды Дуське суждено было отправиться в длительное путешествие на междугороднем автобусе, в который её едва пустили, после долгих увещеваний диспетчера автостанции. Всю дорогу, между остановками, во время которых Дуська могла размять свои старые чресла и справить свои собачьи нужды, она находилась в сумке, свернувшись бубликом. И за всё время пребывания в сумке, Дуська, ни разу не издала ни единого звука! И когда на конечной станции мы с Дуськой покидали чрево автобуса, восхищению пассажиров не было границ! Они не могли поверить, что на такое способна эта старая собака… «оказывается, с нами всю дорогу ехала эта собачка!», «бедная, за всю дорогу она ни разу не гавкнула…» «мам, мам с нами собачка ехала!»

Вот так мы доехали до Красного Сулина. А через неделю нас ждал Ростов-на-Дону. Жили мы с Дусьен на втором этаже большого кирпичного дома. Уже к концу первого дня все 16 ступеней, ведущих на второй этаж, Дуська преодолевала довольно шустро. Сложнее для её конституции оказались спуски вниз… её короткие лапки!.. из—за них она все время полировала своим брюхом выступающие ребра ступеней. Слишком крутой оказалась для неё лестница. В день приезда мы с Дульсинеей, как и положено, осмотрели окрестности и сам участок, прилегающий к дому. В общем, ничего примечательного — в конце участка полуразрушенный, местами с черепичной крышей сарай. Почти новый, более 20 лет неиспользовавшийся туалет, с сухой и чистой ямой, выложенной красным кирпичом, затем колодец, времянка и заросший высокой травой небольшой, в три — четыре сотки, огород.

Тропинка за воротами участка привела нас к довольно мелкой, с берегами, заросшими пышной растительностью, речушке, метров около пяти шириной и делающей крутой поворот влево в двадцати метрах от металлического мостика, соединяющего совершенно пологий берег с нашей стороны с очень крутым и высоким противоположным. Солнце, приветливо встретившее нас днём, прощалось с северным полушарием и клонилось к закату, когда мы с Дусьей поужинали и отправились в прохладу дома в надежде отоспаться после длительного и изнуряющего, одиннадцатичасового ночного пути. Дуська ещё днём облюбовала для сна большое антикварное кресло. И долго не раздумывая, с немытыми лапами, запрыгнула на кресло и свернувшись привычным шоколадным бубликом, засопела. Перед сном я протер полы в доме, промыл ступени лестницы и принес воды для мытья ног. Днем я с удовольствием ходил по земле и траве босыми ногами.

Таз с водой после мытья ног я оставил на верхней площадке, поленившись в темноте спускаться с ним на улицу. Пол был чист и я босиком, наслаждаясь прохладой влажного ещё пола, прошлёпал к кровати. Проснулся я среди ночи от жуткого грохота и приглушенно хриплого визга. Этой же ночью мне предстояло ознакомиться с устройством подвальной системы дома… Дуська так и не сказала мне, что заставило её среди ночи запрыгнуть в стоящий на краю ступени таз с водой и в кромешной темноте прокатиться в нём по всем шестнадцати степеням, успев однако выскочить из—под опрокинутого таза внизу. И как она оказалась в яме с давно мумифицированной картошкой, которая находилась на два уровня ниже пола и в направлении, противоположном от курса своего ночного «полёта»? Но после трёх с небольшим минут

(которых мне было достаточно, чтобы оценить обстановку и найти мокрое и трясущееся, не то от страха, не то от смеха ушастое чудо), Дуська уже прижималась к моей груди.

Та яма была продолжением проёма в полу, с приямком, находившемся под лестницей. В сам погреб я попал, только спрыгнув в приямок и пройдя пару метров в согнутом положении вперед. Там в яме для картошки, что была слева от входа в погреб, на глубине не менее двух метров от уровня пола, я и обнаружил моё, не издававшее ни единого звука, четырёхлапое создание. Обернув мокрый, вздрагивающий комочек байковым одеялом, я водрузил её обратно на кресло. И от сильного желания непременно выспаться, прикрыв плотнее дверь на лестницу, вынужден был подпереть её стулом со стопкой книг. Решив, что для первой ночи приключений для нас достаточно, мы с Дуськой дрыхли до девяти утра. Приключения Дуськи продолжились уже к обеду. Во дворе перед домом я развел костерок, закрепил над ним котелок с водой и, примостившись на бревне, так, чтобы видеть и котелок, и игравшую в траве с банкой из—под собачьего корма Дуську, стал чистить картошку. Тишина, обратившая на себя моё внимание, не предвещала ничего хорошего.

После троекратного «Дуська, Дусьен, ко мне!», в душу закралось волнующее чувство тревоги и ожидание продолжения ночного кошмарчика… Отложив недочищенную картофелину, я отправился в сторону огорода, где пару минут назад резвилась Дуська. Снова троекратно позвал её и прислушался, ответа не последовало… Колодец, к счастью, был плотно закрыт. Да и высота кольца над землей, думаю, Дуське была «не по плечу». Заглянув в сарай и убедившись, что Дуськи там нет, я снова стал её звать, уже непрерывно, время от времени прислушиваясь к возможному отклику… И не напрасно! Проходя мимо туалета, я услышал приглушенные звуки, похожие на сдавленное подобие лая… Да, дорогой читатель, да! Дульсинея барбосская, трясясь и «синея» сидела на дне выгребной ямы и, опустив голову, то ли всхлипывала, то ли «ржала». К её собачьей, а пуще всего к моей радости, яма была абсолютно чиста. Разобрав верхнюю часть сиденья, я опустил в яму лестницу…

Подняв над головой бедную, трясущуюся Дуську, вытолкнул её на поверхность. Несчастное, подслеповатое животное, приняло, очевидно, выступ туалетного сидения за ступеньку, решил я для себя и занялся ремонтом двери в туалет. Кто мог подумать, что сиденье в туалете, как и дверь на лестницу в доме, окажется для любознательной Дусьен, весьма заманчивой и столь же коварной. Благо, на этом приключения этого дня закончились. Дуська, под впечатлением «кувырка в глубину», отлеживалась в тени цветущего терна до самого вечера. С наступлением сумерек, отужинав, Дусьен (по словам соседей) отправилась к реке. Но не через калитку, а в противоположном от неё направлении, мимо колодца, через огороды и поле, заросшее крапивой, ромашками и осокой. Искал я её часов до девяти, но безуспешно. Мне хорошо был знаком её полу—лай, полу—стон, с затухающими в конце скулящими нотками.

И будучи уверенным, что в деревенской тишине узнаю его, даже если услышу во сне, я в двадцать два ноль семь лег спать. Уже в дремоте мне показалось, что я слышу Дуськин, неподражаемый, затухающий, лай—стон… Я поднялся, оделся, вышел из дома и осторожно, чтобы не спугнуть тишину, направился к реке. Я почему-то был уверен, что Дуська именно там. Дорогой я всё время прислушивался, но, кроме «звона» сверчков и редких лягушечьих «ууааа», ничего утешительного не было слышно. Когда подойдя к железному мостику, я стал вглядываться в освещенную фонарём часть противоположного берега и снова позвал: «Дуська, Дуська!..», то на другом берегу услышал зловещее «мряаууу!..ффф!» И через секунду нечто тяжелое плюхнулось в воду! Дуська! — обрадовался я и рванул через мостик. К тому времени когда я достиг другого берега Сулинки, Дуська уже выбиралась из воды. Мы обнялись как

близкие родственники после долгой разлуки. Я спрятал мокрое её тельце под куртку, под которой был собственно я, (одеваться мне было некогда и я вышел на зов, накинув куртку на голое тело), вода стекала под брюки и текла по ногам.

Но я был счастлив! Других приключений до самого утра не было и мы с Дусьен дрыхли, как младенцы. В Ростове-на-Дону, на своей машине, нас с Дусьен встретил мой знакомый. Всю дорогу, сидя у меня на коленях, Дульсинея вела себя как отпрыск благородных кровей — молча, с любопытством и собачьим достоинством разглядывала город и прохожих. По прибытии на место, она, тщательно обойдя участок перед домом, нашла и освободила от содержимого кошачью миску. После чего, решив очевидно, что червячка заморила, потопталась кругами по часовой стрелке в траве под сливой и улеглась, блаженно высунув свой длинный ярко—красный язык, давая понять, что начало дня её устроило. Послеобеденное время Дуська посвятила прогулке за воротами дома, что не входило в мои планы, так как приходилось всё время её окликать и загонять во двор. Услышав у ворот дома крик женщины и плач ребенка, я с ужасом обнаружил отсутствие Дуськи и понял — приключения продолжились… Но, как выяснилось, пострадавшей, к моим «радости» и изумлению, оказались не ребёнок, и даже не женщина, а их собака… Огромный, в сравнении с Дуськой, кобель — немецкая овчарка, полез к гордой в своём девичестве Дуське с «любезностями», чего та категорически не выносила. Ни секунды не размышляя, Дуська вцепилась зубами в неосторожно подставленную, хоть и с благими намерениями, овчарочью морду. Под Дуськиными зубами оказался правый глаз овчарки. Когда я выскочил на крики, Дуська спокойно сидела у ворот, а пострадавший кобель позорно прятался за спиной хозяйки и правой лапой потирал покрасневший и опухший, но к счастью, уцелевший глаз. Инцидент удалось уладить только после моего вмешательства. Я тут же, использовав знания и навык, приобретённые на занятиях по работе с энергиями, снял воспаление и боль пострадавшему животному и принёс свои извинения за дерзкий проступок суки Дуськи.

В наказание Дуська была лишена «сладкого» и до позднего вечера обходилась питьем колодезной воды. Впрочем, наказание она приняла отнюдь не смиренно, давая понять, что не считает себя виновной и что поступили с ней несправедливо! При попытке с ней «заговорить», она, с легким рычанием, напоминающем скорее урчание в животе — отворачивалась. Утро Дульсинея посвятила разгону котов, норовивших, по старой своей привычке, съесть то, что было предназначено кошечке, которую прикармливал мой знакомый. Дуся, верно оценив обстановку, съедала то, что предназначалось только ей и только после этого, исключительно ради развлечения, а может и «для порядку», разгоняла котов. Возможно реализуя таким образом, свой давно забытый (от долгой жизни на пятнадцатом этаже), охотничий инстинкт. Так продолжалось пару дней, пока во дворе не появился старый, в серой «цигейковой шубе», матерый кот—разбойник. О его непререкаемом авторитете можно было судить по шустрости разбегающихся при его появлении котов.

Шустрость эта не шла в сравнение с той вялой, снисходительной походкой, сопровождавшей появление Дуськи. По своей собачей наивности, Дусьеновской наглости или сучьей безнаказанности, но Дуська отважилась погонять и серого! Кот подошел к миске, которую уже опустошила кошечка и с силой ударил лапой по миске так, что миска, кувыркаясь, подлетела в воздух. Брякнувшись о бетонную отмостку, алюминиевая миска издала соответствующий ситуации, весьма немузыкальный звук, чем и обратила на себя внимание дремавшей под сливой Дуськи. Кот, будучи на взводе, увидев поднявшуюся Дуську, не ушел, а ждал эту отчаянную дурочку у пустой кошачьей миски. С радостной мордой, даже не лая, Дуська подлетела к голодному коту. Кот сделал шаг навстречу, присел и в то же мгновение дуськина морда получила удар когтистой лапой. Не «распробовав» с первого раза,

Дуська в отчаянии бросилась на обидчика. Тогда, уже с дикой яростью, кот набросился на глупое животное, и Дуська с визгом, с окровавленной мордой, бросилась наутёк. Это очевидно был первый негативный опыт отчаянной Дуськи. Впрочем, зализав раны полученные от серого, других котов Дуська всё же гоняла, хотя, как мне показалось, с поубавившимся энтузиазмом. После злополучного инцидента с овчаркой, я по мере сил стал пресекать Дуськины попытки убежать со двора. Приближалось Дуськино девятнадцатилетие. И однажды Дуське всё—таки удалось улизнуть за ворота. Обойдя вокруг дома и обшарив двор, я убедился, что Дуськи нигде нет. Набегавшись вокруг близлежащих домов я всё—таки нашел Дуську метрах в двухстах от нашего дома, на стройплощадке в одном из дворов. К счастью я увидел её вовремя, когда она попыталась укрыться за высоким фундаментом. На моё предложение пойти домой, она мотнула головой и побежала вокруг фундамента. Оценив ситуацию и Дуськин настрой, я не стал гоняться за ней вокруг, а перелез через фундамент и пересек внутреннее пространство. Перепрыгнув через вторую стенку фундамента быстро догнал Дуську и взял её на руки.

Едва отдышавшись я устроил Дуське заслуженную трёпку. Позже я понял, что после трёпки Дуська решила сменить тактику. Я не раскусил вовремя Дуськины маневры приняв их за игру. Но это была хитрость и я был обманут… Заметив отсутствие Дуськи во дворе я выскакивал за ворота, осматривал в обе стороны дорогу, а обернувшись находил Дуську «прогуливавшейся» за домом… Она хитро посматривала в мою сторону мол, чего ты всполошился — я здесь! Так продолжалось несколько раз, пока я не перестал выскакивать за ворота, а шел осматривать окрестности дома, где и находил «беспечно пасущуюся» собачонку. Пожалуй само Провидение пришло Дульсинее на помощь при последнем её побеге! В то утро, всё было как обычно и ничто не предвещало беды. Дуська лениво прогуливалась на лужайке перед домом, я сидел на крыльце и читал книгу. Погода была чудесной! В глубине дома раздались сигналы точного времени — позывные «Маяка»: мне звонили на мобильный. Звонок был из Москвы, звонила хозяйка Дуськи. После разговора я посмотрел на телефон, продолжительность разговора — семь минут двадцать три секунды. Ещё ничего не зная, я ощутил сосущее чувство тревоги и вышел во двор, обошел вокруг дома и вышел за ворота. Дуськи нигде не было видно. Справа, мимо участка, проезжала грузовая «Газель». Я сделал знак остановиться и спросил водителя о такси, описав Дуську. Водитель с охотой поведал мне, что несколько минут назад видел подобную собачку и указал мне направление. Через пару минут, на параллельной улице, рабочие, устанавливавшие ворота, показали мне направление в котором бежала Дуська.

Это происходило метрах в четырёхстах от дома… Следующей и последней, кто поведал мне о маршруте Дульсинеи, была продавец магазина, что стоял недалеко от конечной остановки автобуса, вблизи трассы Ростов-на-Дону — Москва… Но это было уже после закрытия магазина, поздним вечером. Как Дусьен удалось так быстро и практически безошибочно, в абсолютно незнакомом для неё месте, выбраться на московскую трассу, для меня по сей день остаётся загадкой! Очевидно, что если у Дуськи был девиз её жизни, то этот: «Главное в жизни, все повороты судьбы, превращать в зигзаги удачи!».. В тот вечер, в надежде обнаружить беглянку, мы с моим знакомым проехали на машине вдоль трассы в обе стороны. Но увы, поиски наши оказались тщетными… Сосед по участку и мой знакомый своими предположениями подтвердили мою догадку, что столь пожилое создание просто ушло искать то место под луной, где её тело и душа обретут вечный покой! Мир праху твоему, милое создание!

В ТРЁХ СОСНАХ

Эту удивительную историю, мне поведала моя жена. Жила она тогда с родителями в посёлке Лесном, Пушкинского района, Московской области. Была у них собака, немецкая овчарка по кличке Анчар. Пёс был довольно крупный, с чёрной спиной и с коричневыми, с рыжеватым оттенком боками, со светло рыжими брюхом и манишкой. Он был очень послушным и умным. Выгуливала его в основном моя будущая жена и практически одним и тем же маршрутом, но в тот раз она решила пойти с Анчаром в сторону шоссе, к пустырю. День был солнечным, накануне выпал свежий снежок слоем не более трёх сантиметров, чистый воздух, настроение у обоих великолепное… Анчар был доволен, что был без поводка, но тем не менее, он был всё время рядом, то забегая чуть вперёд, то отставая, на один — два метра. Впереди метрах в двухстах, практически в чистом поле росли три сосенки, вокруг них, на расстоянии более ста — ста пятидесяти метров, не было никакой растительности. Минут через пять жена и Анчар подошли к этим трём соснам. Сосенки были тонкие и очень высокие, и только на высоте около семи — восьми метров росли ветки; диаметр их стволов у основания не превышал двадцати сантиметров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.